

Пал

Головко Геннадий

Геннадий Головки

Пап

«Автор»

2015

Головко Г.

Пап / Г. Головко — «Автор», 2015

Чтобы помнили... Простая история жизни непростого человека. Это автобиографический пересказ жизни самого дорогого мне человека с его непростым жизненным путем, прекрасной душой и железным характером.

© Головко Г., 2015

© Автор, 2015

Геннадий Головки

Пап

– Пап, а сделай лодочку?

Отец делает «лодочку» из ног, я туда с удовольствием заползаю, ложусь и начинаю грести с нескрываемым удовольствием. Лодочка качается, вокруг плещут волны, надо мной проносятся с криком белые чайки... Я счастлив. Мне, наверное, года 4. Не так уж и часто мне удается застать отца врасплох и в блаженно-добродушном настроении, чтобы он согласился со мной поиграть. Нет, он добрый и как-то очень приятно пахнет. Чем-то очень своим, родным, с этим запахом так спокойно и уверенно и уж абсолютно не хочется вылезать из этой сказки. Пригревшись, я потихоньку засыпаю. Отец очень аккуратно, чтобы не разбудить, переносит меня в кровать, бережно укрывает одеялом и прикрывает дверь. Но, не до конца, чтобы, проснувшись, я не испугался темноты и свет понемногу пробивается в мою комнату.

– Пап, а расскажи про себя?

Мне уже семь лет и меня ужасно распирает от любопытства по всякому поводу. А ведь действительно, папа тоже был когда-то маленьким, как я (хотя представить это как-то не просто). Но ведь был же! Интересно, а каким он был? Как я? Ну, то есть такой же характер, мысли, увлечения, футбол, собаки? Интересно, мог бы я с ним дружить?

– Ну что тебе рассказать? Папа расплывается в полуулыбке, ему приятен мой искренний детский интерес. Глаза становятся еще добрее, лицо приобретает хитрый и добродушный вид, его мысли уносятся в далекое прошлое, взгляд мечтательный, он ВСЕ видит. Как это было...

* Ну, родился я в селе Арзгир, это 200 км от Ставрополя. Вся родня теперь осталась там. Кто? Ну, мой брат, он меня постарше, его сыновья, их у него пятеро и дочка, т.е., мои племянники и племянница. Как получилось, что я оказался в Ставрополе? Ну, это целая история. Это надо долго рассказывать. Может, в следующий раз? Нет? Ну, смотри, если надоест слушать, скажи.

– Нет, не надоест, не надоест!

* Так вот, родился я в Арзгире, там свой дом, в моей комнате, где я родился до сих пор в потолке остался вкрученный крюк, на котором висела моя кровать, а мать ее качала. Раньше так было.

* Ну, потом как у всех, учился в школе, правда, уже в Черкесске. Туда перевели отца работать. А переводили его несколько раз, так что учился я и в Нальчике, и в Черкесске. А в Черкесске отец стал директором винзавода. Да, вино дома не переводилось.

– А разве тебе уже было можно? – с завистью и надеждой спрашиваю я.

* Конечно, нет. Но мать сильно разбавляла сухое вино водой и мы с ребятами после того, как до икоты наиграемся в футбол, пили вот такую смесь. Очень хорошо утоляло жажду. Что? Да нет, мы не хмелели, все выходило с потом. Так что был таким же мальчишкой, как и ты. Ну, понятное дело, хулиганили, дрались, играли в футбол, волейбол. Короче, все как у всех. Так, ну на сегодня хватит, спать пора, потом доскажу. Спокойной ночи!

– Пап, а как ты вообще попал в Арзгир? Все наши родственники говорят, по-моему, на украинском языке? Я что-то почти ничего не понимаю. (Мне уже где-то 13-14 лет).

* Это совсем давняя история. Все просто. Раньше действительно, и мой отец, и дед жили на Восточной Украине, отсюда и говор украинский. А в тридцатые годы прошлого века был страшный неурожай и голод. Народ не выдержал, стал сниматься с насиженных мест, собрал какие ни есть манатки и в путь! Куда? А куда глаза глядят, к лучшей жизни. Ведь должна же она где-то быть? Вот, запрягли они лошадей и долго– долго ехали, недели, месяцы. Нигде не находили пристанища. И тут на тебе, мать честная! – оазис! Как из-под земли. Везде степь, да пыль с песком, а тут – глазам не верят! Зелень, озера, лиманы, речка, рыба, трава зеленая, соч-

ная, земля как пух. Вот и решили они здесь обосноваться. Так и живут по сей день. А поскольку все были из Украины, то и говор украинский остался. Кто ж их переучивать-то будет? Развели лошадей, скотину, птицу, понастроили дома из глины (саман называется, теплые такие). Вот и зажили хорошо посреди степи в зелени и сытости. Там-то я и родился в 1922 году. Ну, дальше ты уже знаешь. Как что потом? Я ж тебе рассказывал. Ааа! После школы? После школы была война. Точнее, не сразу. Хотел я поступить в мореходное училище. Это была моя мечта. Но где Арзгир, а где море? Даа, далековато. Да и, надо сказать, в 39-м уже началась 2-я мировая. Какое тут уж море? Вот и решил отец отдать меня в артиллерийское военное училище. А поскольку тяга для артиллерийских орудий в то время была конской, то мне повезло и после поступления я, в основном, работал с лошадьми, которых очень любил. Трудно ли было поступать? Да нет, мне очень легко давались точные предметы. Физика, математика, геометрия. Это ты у нас филолог. И философ. (Уж больно много рассуждаешь). Да вот, кстати, остались у меня блокнотики, где я записывал формулы всякие, законы.

В малюсеньких блокнотах идеальным каллиграфическим почерком были мелко-мелко записаны множество всяческой физико-математической всячины.

– Это что, шпоры?

Отец немного смутился. – Нууу... нет. Это так, чтобы не забывать. На память.

Я, конечно, засомневался, но вида не подал. Однако, и почерк и размеры оценил по достоинству. Да и хранить столько лет! Это действительно, вызывает уважение!

*Так вот, экзамены для меня были делом плевым. Да и не помогал никто в те времена. Попробуй не сдать! Запрет отец. Может, и не до смерти, но сесть сможешь не скоро. Рука у него тяжелая была. Да вон, глянь на фотографию. (Да, серьезный у меня был дед. Взгляд пронизывающий, тяжелый, абсолютно уверенный в себе. Как говорится, вижу цель, не вижу препятствий. С таким совсем не хочется спорить). Вот и думай, сдавать или не сдавать. Так вот, сдал я экзамены, стал учиться. Мне нравилось. Что нравилось? Да и учиться, и то, что ребят много. Весело. Опять же, начал уже более серьезно играть в футбол и волейбол. Играл сначала за роту, потом уже и в сборную училища входил. И все бы хорошо, если бы не война. Фашист, собака, подбирался все ближе и ближе и нас перевели на ускоренные курсы учебы. А тут еще и «Катюша» появилась. Совершенно секретное оружие. И мы его как говорится, ускоренно осваивали. До самого 41-го года. Видишь мою фотографию? Да, молодой совсем, 19 лет. Это нас привезли на один день в Москву для соблюдения формальностей после окончания училища, вот мы и отпросились сфотографироваться в «Метрополе», т.к. в город нас не пускали. Боялись, чтобы не проболтались про «Катюшу». Это самая первая моя фотография в форме. Что потом? Потом – спать! Позже доскажу. Когда? Когда время будет.

– Пап, ну ты же обещал! Ну, когда потом? Потом мне будет некогда. Давай, давай, не отлынивай, а то мы тебя всем семейством заставим мемуары писать. Ну вот, другое дело. Так что было потом? Ты остановился на том, что война началась.

* Ну, так вот. Война началась. Война... Да. Так вот, перебросили нас на 1-й Белорусский фронт. И начали мы воевать. Ну что рассказывать? Всяко было. И страшно, и весело, и вообще не в моготу. Не знаю я, что тебе рассказывать. Ну не тактико-технические характеристики же «Катюши»? Что, хочешь, чтоб я рассказал?

И отец, как на экзаменах, начинает бойко и абсолютно не сбиваясь рассказывать технические возможности «Катюши», которые уже никогда не смогут стереться из памяти. Да, глубоко в сознание запаяла их война!

– А предатели у вас были? – вдруг выпалил я и сам удивился своему вопросу.

Отца аж передернуло от воспоминаний.

*Ну, может и не предатели, но сволочей хватало. Вот как-то раз такое было. Был я начштабом дивизиона. После марша останавливаемся мы на привал. Отступали мы, если честно. 42-й год. Не пришел еще день нашего наступления. Так вот. А что такое остановиться на вре-

менный привал? Никто же не знает, надолго это или нет. Значит что? Надо кухню развернуть, палатки поставить, машины замаскировать. Ну и, туалет, конечно, тоже нужен. А как без него? Народу-то много, отдельное сооружение не состряпаешь, да и ни к чему. Девчонок у нас не было, стесняться некого. Поэтому, вырывался длинный ров, все дружно садились, ну и ... опрастывались. А когда сворачивались и покидали позицию, это дело надо было закопать. Ну не оставлять же в таком виде. Своя земля же. Советская. Ну, обычно это дело «доверяли» молодым призывникам. Ну а как еще? Вызываю я троих бойцов и даю команду: закопать. Двое ничего, честь отдали и пошли выполнять, а третий заартачился – не буду и все! Хоть ты его убей! А по законам военного времени за невыполнение приказа – расстрел на месте, без суда и следствия! Ну, все это, конечно, знали, но как-то применять такую меру не приходилось. А тут, кажется, как раз тот самый случай. Напомнил я ему этот закон, а ему хоть бы хны! Как и не испугался! Расстроился я вконец, вытаскиваю трофейный «Вальтер» (мне его мой дружок, Виктор Шилов подарил) и говорю: «Ну что ж, тогда пошли на расстрел за невыполнение приказа». Он выходит. Идет. Харахорится, вроде как бы не боится. Не могут же человека расстрелять за г...но! Смех, да и только! Отвожу, значит, я его подальше, на опушку леса. Говорю: «Поворачивайся лицом к лесу!». Он отвернулся, стоит, но, вроде, как бы начинает понимать по моему лицу, что я не шучу. А я уже взбесился, говорю типа что-то «За невыполнение приказа командования... В военное время...» ну, и все такое. Да, а стрелял я очень хорошо, с детства натренировался. И стреляю я в веточку, что над его ухом. Веточка чик! и отлетела, парень бух на колени слезы в три ручья, ползет ко мне, умоляет... Короче, отпустил я этого вонючего интеллигента, отправил зарывать траншеею. Куда он денется, конечно, зарыл. Только в скором времени мне этот случай ох, как подпортил жизнь! Потом как-нибудь расскажу. Уж лучше б я его пристрелил тогда! Ну да, что сделаешь, того уж не исправишь. Это, конечно, не предательство в чистом виде, но, все же, если каждый будет отказываться от выполнения приказа? Что тогда будет? И смогли бы мы войну выиграть? Вот я и говорю, что когда тебе мать говорит: пропылесось полы, так кочевряжишься с Женькой, все делите. Кому что полегче сделать, все на бабушку свалили, а ей тяжело, не молодуха же! Так что давайте, слушайтесь мать и бабу, договорились?

Еще бы, попробуй тут не договориться. Как-то раз, когда родители были на работе, а мы, два братца, остались с бабушкой, чего-то мы с Жекой не поделили. А мне в ту пору было лет 7-8, ну, брату, соответственно, на 5 лет больше. Слово за слово, а тут и до метания тапок дошло. Помнится, когда все мои доводы были исчерпаны, а у брата их всегда оставалось великое множество, да еще такие едкие и обидные, я снял тапок и швырнул ему его вдогонку. И, как ни удивительно, попал! Да еще точно по башке! Когда Жека развернулся, глаза его были, как у Вия, а может, и хуже. Слава богу, на ту пору подросла бабушка и развела нас по комнатам. Понимали, что, если по возвращении с работы, эта информация дойдет до отца, то нам двоим придется крайне туго. Ремешки тогда носили тоненькие, мода такая была, чтоб ей! Широким-то не больно. Ну, поорешь для порядка, ну слезупустишь, а на самом деле, не больно. Зато потом мама пожалеет, а может даже чего вкусенького даст, на том все и кончается. Обиды проходят, все плохое забывается. Так вот, чуя беду, мы с братцем объединились и начали уговаривать бабушку ничего не говорить родителям по возвращении с работы. После долгих разговоров и обещаний вести себя «чемно» и помогать ей во всем, бабуля разомлела и пообещала молчать. Однако, когда вернулись родители, и, после традиционного вопроса – как дети, не хулиганили, бабуля с умилением начала рассказывать в подробностях, какие мы хорошие, подрались, помирились. Прощения просили, пообещали... (Бабушка «нажимала» на «О», поскольку была родом из Вятки, Кировские мы) Но тут отец уже решил не дослушивать окончание и рука потянулась к тоненькому кожаному «дежурному» ремню. Да, это запомнилось. Получается, действительно, надолго. Не могу сказать точно о воспитательной эффективности данного метода. Но в память это врезалось надолго.

– А еще про войну расскажи!

* Да что про нее рассказывать? Иной раз и вспоминать не хочется. Страшно.

– А ты немцев сам убивал?

* Сам? Это как? Ну, в штыковую атаку, конечно, не ходил, мы же не пехота. А вот однажды немцы подошли так близко, что пришлось бить прямой наводкой. Было это в начале войны. Кстати, про Флерова мы тогда и не слышали. Так что, еще непонятно, кто же был первым? Так вот, тогда никто не подсказывал, сами догадались. Выкопали под машины траншеи, загнали их туда и получилось, что пусковые установки встали горизонтально. Тут мы в первый раз, хоть и вдалеке увидели убойную силу «Катюш». Дали несколько залпов. Ни неба, ни земли. Ничего живого в радиусе десятка километров. Все смешалось между горизонтом и облаками. Солнце затмило напрочь. Сплошная черная пыль с дымом, такое впечатление, что земля дыбом встала. Страшное зрелище! Это под Насвой было. В феврале 44-го. Вот за это я и получил орден «Отечественной войны 2-й степени». Как за что? За смекалку с прямой наводкой. Ну, в этот раз обошлось, а вот однажды наша разведка ошиблась и дала нам координаты уже занятой нашими деревни. А мы как лупанули! Вспоминать не хочется. Закончили мы артподготовку, отдыхаем. И тут, спустя несколько часов дозорный кричит: человек! Думали – фриц раненый, ан нет, наш. Ползет еле-еле, за живот держится и зубами скрежещет. Отпустил немного руки – и мы замерли. Осколком ему живот распорол. И из пилотки, прижатой к животу, вывалились все его внутренности. Он их, оказывается, собрал в пилотку, прижал внутрь и так прополз километров десять. Посмотрел он на нас таким взглядом! В глазах боль, досада, горечь и обида. «Что ж вы своих? Мать вашу!» И умер. Вот такие пироги... Много я такого навиделся. Тебе лучше и не знать. Эх! А помнишь, как мы с тобой военные раньше пели?

Был у отца песенник. Небольшая такая книжонка в очень твердом сером переплете. А там – песни военных лет. Очень мы любили иногда открыть эту заветную книжку и запеть негромко в два голоса. «Шумел сурово брянский лес...», «Артиллеристы, Сталин дал приказ...» или «Темная ночь...». Много песен перепели. До сих пор все слова помню. Люблю я эти песни, люблю до сих пор, наверное, больше всех остальных. Есть в них душа, да такая, что веришь в них сразу и навсегда. И неважно, что голоса у нас с отцом, как говорится, домашние, не эстрадные, но получалось как-то душевно и правдиво, без фальши.

– А у тебя же есть и орден Отечественной войны 1-й степени? Это же круче?

* Да, наверное, покруче будет.

– А ее тебе за что дали?

* Это длинная история... Давай, потом?

– Нет, нет, давай сейчас. Я спать не хочу.

* Ну, смотри, если завтра в школу не встанешь вовремя, больше не проси.

– Встану, встану! Ты же знаешь! (На самом деле, вставал я обычно без будильника, резко, не потягиваясь, так, чтобы проснуться сразу, без раскочки. Так как-то проще переносилось тягостное пробуждение. Что не скажешь о моем брате. Его пробуждение было тяжелым не столько для него, сколько для всех домочадцев. Будильник он полностью игнорировал. И, если не разбудить его всеми возможными и невозможными методами, он легко много проспал до обеда. Посему, каждый, проходя мимо его дивана, говорил «Женя, вставай!» Причем, говорить лучше было не громко и, в случае чего, с готовностью отскочить в сторону, уворачиваясь от летящего тапка. Отец сердился и переживал, что брат проспал в школу, но вмешивался только в последнюю очередь. Засим, прежде всего, на передовую сначала выходила бабушка, причитавшая «Вставай уже, окаянный, в школу проспай!»). Если это не давало своих результатов, за дело принималась мама, пытаясь придать своему голосу железные нотки. Пару раз все вместе пытались и меня кинуть в эту бетономешалку. Но я был категоричен и молод для такой миссии. К тому же, очень хотелось жить. В итоге отец очень серьезно и тоном, не терпящим

пререканий, громко и с некоторым раздражением победно будил Жеку и тот, что-то бурча себе под нос и жутко злой, наконец, медленно сползал с дивана.)

* Ну ладно, слушай. Было это под Кенигсбергом. Теперь это Калининград, уже русский город. Мы наступали довольно быстро, но фрицы сдаваться и не собирались, дрались за каждый клочок земли. Да у нас-то уже настроение было боевое, победоносное. Хотелось уже побыстрее добить этих сволочей и айда домой, к мирной жизни. Вот тогда как заживем! Даже лучше, чем раньше. Потому как понимали все, какой ценой нам это все досталось. Очень дорого. Забыть это не возможно. Да и нельзя ни в коем случае! Так вот стояли мы под Кенигсбергом и в один прекрасный день попали под артобстрел. Да если бы только он! А тут на нас Мессеры налетели. Так что и с воздуха, и с земли. Все свистело, гремело, ничего не понятно. Огонь кругом, земля дыбом, свист снарядов. Взрывы, взрывы, взрывы! Дали они нам, конечно, прикурить! Само собой, сначала все опешили, попрыгали по окопам. Гловы не поднять! А надо сказать, что в боевых условиях все ракетные установки были в полной боевой готовности, т.е., все ракеты находились на машинах, чтобы только команда – сразу смогли провести пуск. И надо ж такому – высунулся я из окопа, смотрю, а машина с боеприпасами горит! А за ней рядом стоят все машины дивизиона с ракетами. Так что, если боеприпасы или одна из машин рванет – нет дивизиона! Сразу расформируют, знамя, значит, отберут и привет, пехота! Если не штрафбат! И не расстрел. Короче, перспектива, сам понимаешь, не радостная. Но в тот момент, конечно, об этом думать было некогда. Надо было спасать боевую технику и бить немцев дальше! Так вот, выскочил я из окопа, побежал к машине. А это метров 50-60. Как меня не убило тогда – понять не могу до сих пор. Ведь не давали даже носа высунуть из окопа. Так вот, сажусь за руль, завел. Слала богу, завелась сразу. Рванул в открытое поле. Когда рванет – никому не известно. Может, через минуту, может, через пять? А может... Сердце колотится как сумасшедшее. Отвести бы подальше, чтоб взрывом остальные машины не задело. Еще чуть-чуть и еще! Все! Вроде нормально, надо выпрыгивать. Выскочил из кабины, покатился. Вроде целый. Оборачиваюсь – все-таки огонь захватил первую боевую машину с ракетами! Бегу к ней, заскакиваю за руль, захожу. Краем глаза смотрю, народ немного стал в себя приходить, выскакивает из окопов, огонь тушит. Я отгоняю машину подальше, подлетают бойцы, начинают ее тушить. Тут ко мне подбегает мой друг – Виктор Шилов, командир 2 батареи, орет сквозь грохот бомбежки: «Вася, куда ты?! Ты же ранен! « Как ранен? Куда? Не чувствую. «Давай-ка я тебе хоть картонку засуну под гимнастерку!» У него в руках неизвестно откуда-то взявшийся кусок картона, который он запихивает мне под ремень и гимнастерку с левой стороны. И тут я начинаю терять сознание. Видимо, крови много потерял.

– А потом, потом что?

* А что? Да ничего. Сознание потерял, ничего не помню. Очнулся уже в госпитале. Прошло уже, как выяснилось, несколько дней. Оказывается, меня переправили самолетом в Москву, в институт Склифосовского. Наши врачи не решились на операцию. Написали – ранение смертельное, не совместимое с жизнью.

– ?????

* Да, вот такие дела. Оказывается, задел меня осколок и попал, зараза, почти прямо в сердце. Два сантиметра осталось. Повезло. Правда, пять ребер вышибло, пришлось удалить. Видишь, какой шрам остался?

Шрам был действительно огромный, неровный, глубокий, похож на глубокий лесной овраг, по сторонам которого видны причудливые изогнутые корни вековых деревьев. Он пересекал полтуловища, как будто бы дровосек вырубил колуном в сердцах добрый кусок живой и твердой плоти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.